

...Я никогда не спрашивала о деталях, но сейчас, оглядываясь назад, я могу понять, как это произошло. Глядя в прошлое, можно сказать, что не было ничего особенно впечатляющего, просто некоторые маленькие различия, которые медленно накапливались со временем, и страсть, которая когда-то была между моими родителями, потускнела и остыла, размылась, исчезла... и в итоге они не смогли ужиться друг с другом, вот и все.

Это просто нечто очень распространенное явление... и теперь у меня тоже есть личный опыт в подобного рода отношениях, точнее, когда чувства остывают.

Однако в детстве я этого не понимала. Я была очень тревожной, потому что мне было очень одиноко, и каждый день я часто плакала. Мама обнимала меня, нежно извиняясь передо мной снова и снова, и мне было грустно от этого. Я не хотела, чтобы мама продолжала извиняться, и не успела я опомниться, как переставала плакать.

В моем сердце осталась большая пустота... из-за того, что случилось в моем детстве. Ту пустоту вызвало внезапное отсутствие того, что у меня, естественно, когда-то было.

Конечно, я все еще могу встретиться с папой. Даже сейчас я могу встретиться с ним примерно раз в год... но мама никогда не присоединялась ко мне. Мама и я - семья, папа и я - семья... но мама и папа - уже не семья.

В тот день мои родители перестали быть семьей. Это не было несчастьем, не было баловством судьбы... но эта пустота засела в моем сердце.

Поэтому я не могла не спросить о его чувствах.

- Ты не чувствуешь себя одиноким?

Я осторожно, нерешительно задала такой деликатный вопрос, и он ответил:

- Я не уверен, что такое "одиночество".

Вот что он ответил тогда. Оглядываясь назад, можно сказать, что это был глупый ответ, вполне соответствующий нашему возрасту, но тогда выражение лица Мизуто было выражением полной "пустоты", в нем не было ни капли блефа.

Ничего.

Вообще ничего.

Это было выражение "небытия", того, кто не мог передать словами свое одиночество, тревогу, которую он не мог выплеснуть. Его выражение сильно ударило в пустоту в моем сердце.

У него не было той пустоты, которая жила во мне. В его сердце точно не было той пустоты, которая была у меня. Конечно, он не стал бы плакать от одиночества, как я. Он не мог этого сделать. Не было необходимости в том, чтобы другие обнимали его, утешали его.

Таково было его одиночество, его отстраненность, которая врывалась в мое сердце, оставляя после себя некое онемение. Подобно тому, как раны болят из-за нанесённых лекарств, мое сердце тоже отреагировало, так как это было предметом спора.

...Я ничего не знала о его настоящей матери. Я не знала, почему он стал таким извращенным человеком.

После того, как моя мама вышла замуж, я переехала в дом Мизуто, и однажды я сидела там... в углу первого уровня. Это была японская комната с татами, комната, в которую никто никогда не заходил. Я сидела перед буддийским алтарем, который тихо стоял в комнате.

Говорят, что большинство старшеклассников не знали о значении второго воскресенья мая. Для меня же это был самый важный день в году, официально занявший это место после того, как я счастливо и основательно сместила предыдущую коронную дату: 27 августа - день, когда я стала девушкой Мизуто.

И та дата был День матери...

- Скажи.

Это была первая суббота после Золотой недели. Я закончила свою ежедневную ревизию, пошла на второй этаж и обнаружила своего младшего сводного брата, который сидел на диване и читал. Я заговорила с ним фригидным тоном.

Мизуто не поднял глаз от своей книги, и вместо этого нетерпеливо ответил:

- Хм? В какие неприятности ты попал на этот раз?

<http://tl.rulate.ru/book/61188/2367039>